

ревод представлен тремя московскими (МГУ, ГИМ)³⁴ и одним петербургским (РНБ)³⁵ списками конца 1740-х—начала 1750-х гг., имеющими незначительные разночтения. Имя автора ни в одной из рукописей не упоминается; название либо отсутствует, либо варьируется («Бертолд», «Гистория о Бертолде»). При этом только список из собрания М. П. Полуденского (МГУ) содержит иллюстрации — 12 наивных, старательно выполненных (перо, тушь) рисунков, своеобразно повторяющих гравюры римского издания. Формат рисунков и самой рукописи также соответствует итальянскому образцу, что дает основание считать университетский список «исходным» или максимально близким к кругу анонимного переводчика.

Наблюдения над языком перевода при его сопоставлении с итальянским оригиналом выдают в переводчике человека с определенным литературным опытом и эрудицией: он не только владеет нормативным итальянским языком, но различает его диалектные формы (болонский) и просторечье, а также знаком с бытовыми реалиями итальянской жизни. Пытаясь сохранить ткань романа, состоящую из каламбуров и нередко двусмысленных аллюзий, русский переводчик более или менее удачно создает новые обороты или подбирает уже имевшиеся в русском речевом обиходе клише. Сталкиваясь с трудностями, он не обедняет и не упрощает свой перевод, напротив, мы видим здесь явное стремление к тому, что можно назвать русификацией текста с сохранением колористического модуля оригинала.

Например, его перевод итальянского выражения «uomo schietto» (буквально — человек чистый, искренний, откровенный, чистосердечный) как «придворный»,³⁶ безусловно, может считаться творческой удачей. Солдат говорит Бертольдо, обманом заманившему его вместо себя в мешок: «Ежели б я не признавал за добраго тебя человека (*galant'uomo*) и придворнаго (*uomo schietto*), то бы не допустил себя завязана быть в мешке, но вижу я, что ты самой человек богобоязливой».³⁷ А сам Бертольдо, в понимании которого «обман придворный не равен с деревенским», рекомендует себя следующим образом: «Человек я придворной (в оригинале — «*uomo schietto*») и не умею лгать».³⁸

Новое время принесло и новое отношение к литературному тексту — не как к эталону, а как к реальности. Литература, в том числе переводная, стала заполняться современными ей реалиями

³⁴ НБ МГУ. Коллекция русских рукописей, № 191; ГИМ ОР. Музейное собр., № 839, 3794.

³⁵ РНБ ОР. Собр. Вяземского, Q 143 (в описи фонда рукопись идет под названием «Вертоград»).

³⁶ Замечу, что в тексте встречаются также понятия «*cavaliere di corte*» и «*uomo di corte*», которые были хорошо знакомы русскому переводчику.

³⁷ НБ МГУ. Коллекция русских рукописей, № 191, л. 43 об.

³⁸ Там же. Л. 15, 42 об.